

Научная статья. Исторические науки

УДК 327

DOI: 10.31696/2072-8271-2023-1-1-58-057-075

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ: ПОЗИЦИИ РОССИИ И СТРАН-УЧАСТНИЦ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ В ЮКМ

Дарья Сергеевна ПАНАРИНА ¹

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

daria2002panarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3756-4056>

Аннотация: Статья анализирует конфликт в Южно-Китайском море с позиции Китая, России, Филиппин и отчасти Вьетнама, рассматривает ключевые моменты территориальных споров между КНР и Филиппинами, затрагивает позицию России по данному вопросу и политику США в регионе. В статье освещаются интересы нашей страны в ЮВА, имеющиеся или потенциальные направления развития российско-вьетнамских, российско-китайских и российско-филиппинских двусторонних связей, а также возможности многостороннего сотрудничества.

Ключевые слова: *территориальный спор, ЮКМ, Филиппины, Вьетнам, Китай, Россия, конфликт, экономические интересы, разработка углеводородов, мирное урегулирование*

Для цитирования: *Панарина Д.С.* Пересечение интересов: позиции России и стран-участниц территориальных споров в ЮКМ // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 1, № 1 (58). С. 57–75. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-1-1-58-057-075

Original article. Historical science

INTERSECTION OF INTERESTS: POSITIONS OF RUSSIA AND COUNTRIES PARTICIPATING IN TERRITORIAL DISPUTES IN THE SOUTH CHINA SEA

Daria S. PANARINA ¹

¹Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,

daria2002panarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3756-4056>

Abstract: The article analyzes the conflict in the South China Sea from the perspective of China, Russia, the Philippines and partly Vietnam, examines the key points of territorial disputes between China and the Philippines, touches on Russia's position on this issue and US policy in the region. The article highlights the interests of our country in Southeast Asia, the existing or potential directions for the development of Russian-

Vietnamese, Russian-Chinese and Russian-Philippines bilateral relations, as well as the possibilities of multilateral cooperation.

Keywords: *territorial dispute, South China Sea, Philippines, Vietnam, China, Russia, conflict, economic interests, hydrocarbon exploration, peaceful adjustment*

For citation: Panarina D.S. Intersection of Interests: Positions of Russia and Countries Participating in Territorial Disputes in the South China Sea. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2023, T. 1, № 1 (58). Pp. 57–75. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-1-1-58-057-075

В настоящее время сложившаяся в течение XX – начала XXI века система международных отношений претерпевает значительные изменения. После распада Советского Союза начался процесс отхода от двухполярности в сторону однополярности, а начиная с 2010-х гг. XXI в. происходит перестройка этого миропорядка в сторону многополярности. На фоне этих процессов особую значимость и остроту приобретают проблемы, связанные с неразрешенными территориальными спорами и региональными конфликтами, коих до сих пор достаточно на карте мира. При этом в последние годы наметилась заметная тенденция к смещению векторов политической энергии в сторону Азии, и в частности – в сторону Юго-Восточной ее части. В еще более широком диапазоне Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) приобретает ключевое значение в переустройстве миропорядка, поскольку в последнее время именно этот регион стал одной из площадок столкновения интересов ряда стран, включая государства, занимающие ведущие позиции на мировой арене – США, КНР и Россию. В связи с этим наблюдается особенно яркий виток эскалации конфликта и нарастание противостояния между странами в Южно-Китайском море, которое на протяжении уже более полувека является камнем преткновения в отношениях между Китаем и некоторыми странами-членами АСЕАН. Кроме того, ЮКМ представляет собой сферу столкновения стратегических, политических и экономических интересов двух крупных игроков на мировой политической арене в лице США и КНР, сферу раздела их политического влияния в регионе ЮВА.

Южно-Китайское море – один из ключевых регионов мира, оно связывает два мировых океана – Тихий и Индийский. Акватория моря имеет важное стратегическое значение: через эти морские пути, а также через Малаккский пролив проходит примерно 40% трафика мировой торговли и транспортируется до 80% объемов китайского импорта

нефти и газа. С сугубо стратегической точки зрения ЮКМ имеет большое значение как для стран региона, так и для внешних сторон, в первую очередь – для США, которые имеют в ЮВА свои интересы, а с 2012 г. начали особо активный «разворот в Азию». Штаты используют ЮКМ в своем противостоянии с КНР за мировое господство как плацдарм для сдерживания Китая от дальнейшего наращивания своего влияния в ЮВА.

С экономической точки зрения ЮКМ имеет большое значение в свете предположений о залежах на его территории углеводородов, которые являются востребованным энергоресурсом. Особенно это касается стран Юго-Восточной Азии, поскольку они не обеспечивают свои потребности в нефти и газе самостоятельно, и по прогнозам в скором времени даже те небольшие запасы углеводородов, которые доступны, например Филиппинам или Индонезии, истощатся¹. Объективно определить объемы нефти и природного газа в Южно-Китайском море достаточно трудно из-за нехватки данных разведки, которая в свою очередь затрудняется в свете территориальных споров и напряженности между странами. Большинство открытых в настоящее время месторождений сосредоточено в неоспариваемых частях моря, вблизи береговой линии прибрежных стран. По оценкам Управления энергетической информации (EIA), запасы нефти в ЮКМ составляют примерно 11 млрд баррелей и 190 трлн куб. футов запасов природного газа. Эти цифры подразумевают как доказанные, так и вероятные запасы. Консультационная компания по энергетике Wood Mackenzie, например, оценивает доказанные запасы нефти и газа в море всего в 2,5 млрд баррелей нефтяного эквивалента.

Кроме того, в Южно-Китайском море могут быть дополнительные запасы углеводородов в малоизученных районах. По оценкам Геологической службы США (USGS) неисследованные районы ЮКМ могут содержать 5–22 млрд баррелей нефти и 70–290 трлн куб. футов газа (исключая Сиамский залив и другие прибрежные районы, прилегающие к Южно-Китайскому морю). Эти дополнительные ресурсы в настоящее время не считаются коммерческими запасами, поскольку неясно, насколько их добыча целесообразна с экономической точки зрения.

Поскольку оценка Геологической службы США не охватывала всю территорию ЮКМ, считается, что энергетических ресурсов там может быть больше. В ноябре 2012 г. Китайская национальная оффшорная нефтяная компания (CNOOC) подсчитала, что в этом районе содержится около 125 млрд баррелей нефти и 500 трлн куб. футов

природного газа в неразведанных ресурсах, хотя независимые исследования не подтвердили эту цифру². Уже известно, что запасы нефти и газа в Южно-Китайском море неодинаковы по количеству и качеству и сильно различаются в зависимости от того, где именно на шельфе они залегают. Например, по оценкам EIA, район вокруг островов Спратли практически не имеет ни доказанных, ни вероятных запасов нефти. Источники в отрасли предполагают, что в настоящее время на близлежащих месторождениях существует менее 100 млрд куб. футов экономически жизнеспособных запасов природного газа. Однако на территории острова Спратли могут находиться значительные залежи неразведанных углеводородов. По оценкам Геологической службы США, в неразведанных ресурсах содержится от 0,8 до 5,4 (в среднем 2,5) млрд баррелей нефти и от 7,6 до 55,1 (в среднем 25,5) трлн куб. футов природного газа³.

Для быстро развивающегося Китая, равно как и для стран-участниц конфликта, ни в одной из которых нет крупных залежей углеводородов, возможность исследования и разработки потенциальных ресурсов ЮКМ имеет огромное экономическое значение. Из чего следует, что значимость ЮКМ сложно преувеличить. При этом следует учитывать, что даже если реальные запасы углеводородов в ЮКМ не соответствуют самым смелым прогнозам, и по факту их объемы значительно меньше, раздувание соответствующих данных максимально привлекает к себе внимание всех заинтересованных сторон.

Что касается непосредственно дестабилизирующих факторов в Южно-Китайском море, то предметом территориальных споров выступают острова Спратли и Парасельские, риф Скарборо, морской шельф и остров Натуно, за права юридического обладания которыми соперничают с одной стороны Китай, а с другой Филиппины, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Тайвань и Бруней. Проблемой является и несогласованность границ исключительных экономических зон перенаселенных стран.

«Необходимо отметить, что в международном праве нет прямых указаний на принадлежность этих островов. Истоки этого юридического казуса уходят корнями в середину XX в., когда Японская империя потерпела поражение во Второй мировой войне и по Сан-Францисскому мирному договору была вынуждена отказаться «от всех прав, правооснований и претензий на остров Спратли и острова Парасельские» без указания, в чью именно пользу она от них отказывается. Это дало основание каждому из государств региона выдвинуть претензии на острова Южно-Китайского моря. Так, например, в

1947 г., спустя два года после капитуляции Японии, власти Китая обнародовали карту, на которой государственная граница в Южно-Китайском море была обозначена в виде так называемой «девятипунктирной линии» (nine-dash line, в прибрежных странах Юго-Восточной Азии ее называют «коровьим языком»). Зона, охваченная этой линией, включает до 80% этого региона, в том числе острова Спратли и риф Скарборо. Руководство КНР до сих пор использует документы 1947 г. как аргумент в споре, заявляя о своих «исторических правах» на территорию. Также в доказательство своих «исторических прав» КНР предлагает мировой общественности документы, подтверждающие, что именно китайский народ открыл данные острова порядка 2 тыс. лет назад и тогда же начал их использование.

Борьба за острова неоднократно приводила к вооруженным столкновениям. В частности, в феврале 1974 г. ВМС Китая захватили архипелаг Спратли и с тех пор контролируют его⁴.

Для России территориальные конфликты в ЮКМ значимы с той точки зрения, что как минимум две из стран-участниц этих споров являются партнерами России в регионе – историческим (Вьетнам) и потенциальным (Филиппины). Наша страна заинтересована в первую очередь во внедрении в ЮВА своих экономических проектов совместно с этими странами, и нестабильная обстановка в ЮКМ, а также обширные претензии Китая, который Россия рассматривает также как своего «друга» и партнера, являются достаточно серьезным препятствием к свободной и независимой экономической политике России в ЮВА.

Власти Вьетнама, так же как и Китай, подкрепляют свои притязания историческими аргументами. Когда после окончания американской войны во Вьетнаме (1965–1975 гг.) КНР захватила Парасельские острова, принадлежавшие тогда Южному Вьетнаму, между Ханоем и Пекином возникли серьёзные территориальные разногласия, и Вьетнам и КНР так и не смогли прийти к консенсусу по этому вопросу. Ханой наравне с Пекином претендует на оба архипелага (Парасельские о-ва и Спратли) в ЮКМ. И в наши дни с периодичностью происходят конфликты между двумя странами, вызванные заходами китайских судов (с целью патрулирования или проведения научных исследований по разработке углеводородов) в территориальные воды, которые Вьетнам считает своими.

Как видно из вышесказанного, противоречия Вьетнама и Китая имеют долгую историю, и до сих пор не разрешены полностью. Не являясь специалистом по Вьетнаму, автор статьи не будет вдаваться в

исторические детали китайско-вьетнамских отношений, которые к тому же уже были неоднократно описаны экспертами по СРВ⁵, и перейдет к нюансам в двусторонних отношениях между Китаем и Филиппинами.

Китай и Филиппины

Если претензии КНР, Тайваня и Вьетнама в Южно-Китайском море базируются на исторических основаниях, то Филиппины в своих притязаниях опираются на результаты исследований специалистов, проведенных ещё в 1956 г. Они пришли к заключению, что 8 островов, расположенных неподалеку от филиппинских берегов, вовсе не являются частью архипелага Спратли, а относятся географически к территории Филиппинского архипелага⁶.

Позиция Филиппин до прихода к власти в стране в 2016 г. президента Родриго Дутерте, оставалась неизменной. В выстраивании политических отношений с Китаем Манила в первую очередь опиралась на внешнеполитическую силу в лице Соединенных штатов, которые исторически являются самым давним и ближайшим партнером и союзником Филиппин из числа западных стран. Здесь имеет значение и тот факт, что со времен (конец XIX – первая половина XX в.), когда США в течение практически 100 лет выступали метрополией Филиппин и до наших дней, у Америки были и остаются свои стратегические, политические и экономические интересы в регионе ЮВА, а Филиппины стали для них прекрасной платформой продвижения этих интересов. И если в отношении Филиппин задачи Штатов в свое время сводились к внедрению в стране западной политической модели развития, демократической формы правления и европейских ценностей, то стратегически в ЮВА в целом Соединенные Штаты в первую очередь озабочены проблемой сдерживания КНР, ее нарастающего политического и экономического влияния.

Что касается непосредственно конфликтной ситуации, сложившейся в Южно-Китайском море, то здесь официальная позиция США сводится к стремлению сохранить статус-кво: не допустить захвата акватории моря и островов в ее составе Китаем и добиться, чтобы КНР ни на данном этапе, ни в перспективе не препятствовала свободному проходу кораблей и пролету самолетов в водном и воздушном пространстве ЮКМ. Не последнюю роль играет тут и потенциальная возможность разработки месторождений углеводородов на дне моря, что при свободном доступе к ЮКМ всех заинтересованных сторон,

может быть экономически выгодно не только странам региона, но и внешним игрокам, таким как США.

Таким образом, для США и Филиппин формально выгодно выступать против КНР единым фронтом, однако участие Соединенных Штатов в качестве внешнего игрока, а также учитывая их противостояние с Китаем, только усложняет все попытки договориться с Пекином, в том числе путем применения международного права в рамках Конвенции ЮНКЛОС. Следует отметить, что и Вьетнам неоднократно прибегал к поддержке США в попытках решить свои территориальные разногласия с Китаем, однако подобная политика контрпродуктивна, поскольку КНР выступает категорически против вынесения территориальных споров в ЮКМ на международный уровень и против привлечения к конфликту третьих сторон вне региона.

Парадоксально, но очередное обострение, или, точнее сказать, охлаждение в отношениях между КНР и одной из стран-участниц территориальных споров – Филиппинами, наступило в начале 2013 г. вследствие политики последних. Именно тогда, администрация президента Бениньо Акино III, невзирая на призывы КНР решать спорные вопросы между странами путем двусторонних переговоров, создала первый в своем роде юридический и политический прецедент, подала на КНР иск в международный арбитражный суд Гааги. Претензии Филиппин касались «споров между Сторонами относительно правовых основ морского права и права в Южно-Китайском море, статуса некоторых географических объектов в Южно-Китайском море и правомерности некоторых действий Китая в Южно-Китайском море». Если рассматривать этот вопрос более подробно, то суть обвинений, выдвинутых Филиппинами по отношению к Китаю, сводилась к 4 основным пунктам.

«Во-первых, Филиппины обратились в Гаагский трибунал с просьбой разрешить спор между сторонами относительно источника морских прав в Южно-Китайском море. Фактически, Филиппины добивались от суда заявления о том, что права Китая в Южно-Китайское море должны основываться на Конвенции ЮНКЛОС, а не на каких-либо претензиях на основе исторического права. В этом отношении Филиппины добивались декларации о том, что притязания Китая на права обладания ЮКМ в рамках «девятипунктирной линии», отмеченной на китайских картах, не имеют законной силы в той мере, в какой они превышают права Китая, согласованные в соответствии с Конвенцией.

Во-вторых, Филиппины обратились в Гаагский суд с просьбой разрешить спор между сторонами относительно прав на морские зоны, которые будут созданы в соответствии с Конвенцией отталкиваясь от суши в виде отмели Скарборо и некоторых морских объектов на островах Спратли, на которые претендуют и Филиппины, и Китай. Конвенция предусматривает, что затопленные берега и участки суши, пребывающие над водой только во время отлива сами по себе, не являются объектами, дающими права на морские акватории, и что “непригодные для жизни, экономически нерентабельные скалы” не порождают право на исключительную экономическую зону в 200 морских миль или право на континентальный шельф.

В-третьих, Филиппины обратились в трибунал с просьбой разрешить ряд споров между сторонами о законности действий Китая в Южно-Китайском море. Филиппины заявили о том, что Китай нарушил Конвенцию следующим образом:

- вмешивался в осуществление прав Филиппин в соответствии с Конвенцией, в том числе в отношении рыболовства, разведки нефти, судоходства и строительства искусственных островов и объектов;

- показал, что не способен защитить и сохранить морскую среду, поскольку терпимо относится и/или активно поддерживает китайских рыбаков в вылове исчезающих видов рыбы и в использовании ими угрожающих методов рыболовства, которые наносят ущерб хрупкой экосистеме коралловых рифов в Южном-Китайском море;

- причинил серьезный вред морской среде путем строительства искусственных островов и осуществляя обширное осушение земель на семи рифах на островах Спратли.

В-четвертых, Филиппины обратились к Трибуналу с просьбой установить, что Китай усугубил и расширил споры между сторонами в ходе настоящего арбитража путем ограничения доступа к отряду филиппинских морских пехотинцев, дислоцированному на Второй отмели Томаса, а также участвуя в масштабном строительстве искусственных островов и в осушении земель на семи рифах островов Спратли»⁷.

КНР занял однозначную позицию в отношении этого иска и судебного дела – не принимать участия в арбитраже, заранее отказаться принять вердикт суда и всячески подчеркивать свое мнение о нелегитимности данного судебного процесса. Так, в статье от декабря 2014 г., отражающей отношение властей КНР к иску против их страны в Гааге, прямо заявлялось: Китай считает, что «трибунал не обладает юрисдикцией, необходимой для рассмотрения подобного иска, потому

что 1) “суть предмета арбитража заключается в территориальном суверенитете над соответствующими морскими объектами в Южно-Китайском море; 2) Китай и Филиппины договорились урегулировать соответствующие споры путем двусторонних переговоров и опираясь на Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском”; 3) претензии, предъявленные Филиппинами “неизбежно приведут к морской делимитации между двумя странами”»⁸.

Позиция Китая хорошо отражается в обновлённой военной доктрине КНР, опубликованной в 2019 г., где говорится, что «острова Южно-Китайского моря и острова Дяоюйдао (более известные как Сенкаку, но это японское наименование, не используемое в Китае) являются неотъемлемой частью территории Китая. Согласно доктрине, Китай осуществляет свой национальный суверенитет в целях создания инфраструктуры и развертывания необходимого оборонительного потенциала на островах и рифах в Южно-Китайском море, а также для проведения патрулирования в водах островов Дяоюйдао в Восточно-Китайском море. Китай привержен разрешению связанных споров путем переговоров с теми государствами, которые непосредственно вовлечены в процесс, на основе уважения исторических фактов и международного права. Китай твердо поддерживает свободу судоходства и пролета всеми странами в соответствии с международным правом и гарантирует безопасность морских линий связи (SLOCs)»⁹.

Тем не менее, на фоне того, что Филиппинами (пусть и в одностороннем порядке) был создан прецедент обсуждения территориальных конфликтов в ЮКМ в международном арбитражном суде, и в связи с тем, что решение суда опротестовало «исторические» притязания Китая, страны-участницы споров, и в том числе Вьетнам, выражают надежду на то, что это позволит им прийти к соглашению с Китаем путем мирных переговоров, к которым со своей стороны призывает их и Гаагский суд. И в какой-то момент создалось иллюзорное ощущение, что попытка договорится на двусторонней основе может закончиться продуктивно и положительно для хотя бы некоторых участников территориальных споров.

Это впечатление стало результатом политики президента Родриго Дутерте. Вступив в должность за 12 дней до вынесения Гаагским судом окончательного решения по иску Филиппин против Китая, и невзирая на тот факт, что это судебное решение было в пользу его страны, он сделал выбор не учитывать вердикт арбитража в своей политике выстраивания отношений с КНР, а вместо этого сесть с Си Цзиньпином за стол переговоров. Поначалу казалось, что двусторон-

ние переговоры принесли определенные плоды – улучшились дипломатические отношения между странами, были заключены выгодные для Филиппин договоренности экономического характера.

Важным достижением выглядели договоренности между Китаем и Филиппинами о совместной разведке углеводородов в акватории ЮКМ, которая не является предметом споров между странами. Территорией совместной разведки ископаемых должен был стать Recto Bank, который представляет собой подводный плосковершинный вулкан общей площадью 8 866 кв. км¹⁰. Эта территория полностью подконтрольна Филиппинам¹¹. Предполагалось, что такой подход станет гарантом установления более дружественных отношений и поспособствует разрешению текущего конфликта в будущем. Планировалось также (по инициативе КНР), что прибыль от разработки и добычи углеводородов обеими сторонами будет распределяться в соотношении: 60% – Филиппинам, 40% – Китаю¹². Переговоры по данному вопросу стартовали в 2018 г., однако в 2022 г. Филиппины приостановили их в связи с отсутствием какого-либо прогресса¹³. На данном этапе действующий президент Филиппин Фердинанд Маркос рассматривает возможность возобновления переговоров о совместной разведке и добыче нефти в 2023 г.¹⁴.

В целом, время показало, что все договоренности, по сути своей, были всего лишь политической риторикой Пекина, поскольку за 6 лет Дутерте на посту президента Филиппин кардинальных изменений по вопросу спорных территорий в ЮКМ так и не произошло. При этом все достигнутые соглашения находятся в зачаточном состоянии и не реализуются на практике. Здесь важно, что КНР не стремится сесть за «круглый стол» со всеми странами-участницами территориальных споров, предлагая решать эти вопросы только на двусторонней основе. Такой подход неизбежно приводит к тому, что интересы Вьетнама, Тайваня, Филиппин, Индонезии и т.д. входят в противоречия друг с другом, что еще больше разобщает членов Ассоциации.

Наглядный пример того, как это работает, связан с попытками обсуждения и принятия Кодекса поведения в Южно-Китайском море, который бы создал систему доступа к морю и пользования всеми спорными территориями, систему, подходящую для всех сторон. Следует сразу сказать, что переговоры по Кодексу идут давно и практически безуспешно. Один из этапов пришелся на 1999 г., когда на неформальном саммите АСЕАН Филиппины, заручившись поддержкой Вьетнама, внесли на обсуждение новую версию Кодекса. Кодекса. Характерным отличием относительно предыдущих драфтов Кодекса ста-

ло предложение Филиппин совместно осваивать архипелаг Спратли, и, кроме того, придать документу юридически обязывающий статус¹⁵. КНР и Малайзия не согласились с этими предложениями и четко выразили следующую позицию: Кодекс не должен упоминать географические названия, затрагивать права сторон, иметь обязательную юридическую силу, апеллировать к вопросу суверенитета и территориальной целостности или допускать вмешательство внешних сторон¹⁶. В итоге и в тот раз Кодекс так и не был согласован и принят, а единственное чего достигли все заинтересованные участники споров – это смогли договориться о замене Кодекса Декларацией. Официальное заявление об этом прозвучало в ходе 8-го саммита АСЕАН в Камбодже в ноябре 2022 г.¹⁷.

Это намеренная политика Китая, и политика эта весьма опасна для стран-участниц АСЕАН, поскольку их неспособность договориться между собой показывает мировому сообществу слабость АСЕАН как международной организации, как регионального союза¹⁸. И для Филиппин, и для Вьетнама угроза окончательной потери имиджа АСЕАН как политической силы на мировой арене является важным аспектом в его попытках отстоять свои права в ЮКМ.

Риск вооруженного конфликта в Южно-Китайском море возрос за последние пять лет. Чтобы конкуренция за море не переросла в насилие, Вьетнам, Филиппины и другие государства-претенденты должны ускорить переговоры, чтобы сгладить свои разногласия и развивать сотрудничество в менее чувствительных областях, таких как рыболовство и морские научные исследования, для укрепления доверия. В идеале они также должны привести свои требования в соответствии с международным правом, объявив исходные линии и морские зоны в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву, и завершить переговоры о Кодексе поведения в Южно-Китайском море, однако учитывая внутреннюю политику каждой страны и недоверие, существующее между претендентами, их разобщенность, преодолеть этот конфликт будет трудно¹⁹.

Следует также сказать, что даже если стороны придут к реальному соглашению и приступят к его реализации в водах ЮКМ, маловероятно, что это в значительной мере повлияет на разрешение территориальных споров, поскольку вопрос принадлежности конкретных территорий тому или иному государству, вопрос суверенитета гораздо более значим и не может быть решен компромиссно. Поскольку внешние игроки, в первую очередь, в лице США, призывают опираться в ходе решения территориальных споров в ЮКМ на нормы между-

народного права, и конкретно – на Конвенцию ООН по морскому праву, подписантами которой являются и Китай, и Филиппины, именно положения Конвенции были использованы Филиппинами, когда они подавали иск против Китая в арбитражный суд Гааги. И касались эти положения суверенитета страны и исключительной экономической зоны.

Согласно статье 2, раздел 1 Конвенции ООН по морскому праву: «1. Суверенитет прибрежного государства распространяется за пределы его сухопутной территории и внутренних вод, а в случае государства-архипелага – его архипелажных вод, на примыкающий морской пояс, называемый территориальным морем. 2. Указанный суверенитет распространяется на воздушное пространство над территориальным морем, равно как на его дно и недра. 3. Суверенитет над территориальным морем осуществляется с соблюдением настоящей Конвенции и других норм международного права»²⁰.

В соответствии с Конвенцией (статьи 55–56) «исключительная экономическая зона представляет собой район, находящийся за пределами территориального моря и прилегающий к нему, который подпадает под установленный в настоящей Части особый правовой режим, согласно которому права и юрисдикция прибрежного государства и права и свободы других государств регулируются соответствующими положениями настоящей Конвенции.

1. Прибрежное государство в исключительной экономической зоне имеет:

а) суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов как живых, так и неживых, в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах, а также в целях управления этими ресурсами, и в отношении других видов деятельности по экономической разведке и разработке указанной зоны, таких как производство энергии путем использования воды, течений и ветра;

б) юрисдикцию, предусмотренную в соответствующих положениях настоящей Конвенции, в отношении:

i) создания и использования искусственных островов, установок и сооружений;

ii) морских научных исследований;

iii) защиты и сохранения морской среды;

с) другие права и обязанности, предусмотренные в настоящей Конвенции»²¹.

Проблема в том, что, как уже было сказано, Китай не признает суверенитет Филиппин над территориями ЮКМ и считает их своей исконной собственностью. Отказ КНР рассматривать данный вопрос также не способствует разрешению споров, даже если речь идет о более благоприятном для Китая способе обсуждения конфликта, т.е. о двусторонних переговорах. Фактически,

Россия: между Китаем и странами-участницами споров в ЮКМ

Позиция России касательно территориальных споров в Южно-Китайском море неразрывно связана с тем фактом, что интересы Москвы в регионе ориентированы в основном на две страны, обе из которых являются главными борцами с Китаем за территории ЮКМ. Речь идет, во-первых, о Вьетнаме, с которым у России исторически дружественные (еще с советских времен) дипломатические отношения, общее коммунистическое прошлое и устоявшиеся экономические связи. Во-вторых, нужно упомянуть Филиппины, которые стали сравнительно новым объектом в АТР, с которым российские власти и российский бизнес заинтересованы в развитии и укреплении дипломатических и экономических отношений. Это стало возможно в первую очередь благодаря внешней политике теперь уже бывшего филиппинского президента Родриго Дутерте, который за время своего шестилетнего срока у власти совершил явный «разворот» от США в сторону «дружбы» с КНР и выстраивания новых для Филиппин связей с крупными игроками мира, в данном случае – с Россией.

Начало второго тысячелетия ознаменовалось для внешней политики России разворотом на Восток, включая продвижение в Юго-Восточной Азии своих стратегических и экономических интересов посредством сотрудничества с Вьетнамом. Важно отметить, что при этом по вопросу территориальных споров в ЮКМ Россия изначально занимала исключительно нейтральную позицию, не принимала ни чью сторону, не поддерживала явно и открыто ни одну из заинтересованных стран. В Москве полагали, что любые споры между государствами подобного характера должны решаться путем мирного урегулирования, не задействуя силовые методы, но за столом переговоров и на основе международного права. В данном случае опора на международное право подразумевала непосредственно Конвенцию ООН по морскому праву, соответственно, можно сказать, что Россия соглашалась с необходимостью ее применения. «Подход России к территориальным конфликтам основан на принципах уважения государственного суверенитета и национальной целостности государств, нерушимо-

сти границ, а также опоры на международное право. Россия придерживается позиции строгого нейтралитета по отношению к тем территориальным и пограничным проблемам, в которых она не участвует»²².

Вплоть до кризиса 2014 г., вызванного событиями на Украине и спровоцировавшего известные санкции Запада в отношении России, Москве в большей или меньшей степени удавалось вести в ЮВА достаточно независимую внешнюю политику, не опираясь в полной мере на какого-либо одного участника территориальных споров, и во многом игнорируя аспект данного конфликта при выстраивании связей со странами ЮВА. То есть, очевидно, что в тот период российские власти не опасались вызвать подобным политическим курсом недовольство Китая, которого, впрочем, Москва также рассматривала уже тогда как одного из своих потенциальных партнеров, наравне с другими странами региона. В первое десятилетие двухтысячных годов Россия активно продвигала экономическое сотрудничество с Вьетнамом, и, в частности, реализовывала совместные с проекты по разработке нефти и газа на континентальном шельфе ЮКМ, который частично также является предметом спора между КНР и СРВ.

Сотрудничество между Россией и Вьетнамом в нефтегазовой сфере берет свое начало еще в советский период, однако автор данной статьи не будет углубляться в историю, тем более что уже есть достаточно подробные и обстоятельные работы на эту тему²³. Важно, как прогрессировало сотрудничество между нашими странами на уровне углеводородов в последние десятилетия. Экономические связи в этой сфере между Россией и Вьетнамом имеют три направления: 1) экспорт российской нефти во Вьетнам, 2) совместные разработки месторождений на континентальном шельфе Вьетнама, 3) совместные разработки месторождений в России²⁴. Кроме того, Россия не выступает против участия в ее совместных проектах с Вьетнамом других иностранных компаний. Например, в 2002 г. был создан трехсторонний концерн в составе «Зарубежнефти», «Петровьетнама» и японской компании «Идемицу» для разработок месторождения 09-3, расположенного около Вунгтау²⁵. В свою очередь, привлечение как можно большего числа иностранных участников разработок углеводородов крайне выгодно для Вьетнама, поскольку таким образом позволяет ему максимально интернационализировать проблему спорных территорий на континентальном шельфе.

Нельзя сказать, что независимая политика России по реализации своих экономических интересов совместно с Вьетнамом в спорных

территориях ЮКМ не вызвала нареканий и недовольства со стороны Китая. Поэтому не удивительно, что, когда в апреле 2012 г., Газпром подписал соглашение на разработку блоков 0.52 и 0.53²⁶, МИД КНР выступило с заявлением, в котором звучал призыв к компаниям из третьих стран воздержаться от реализации проектов в спорных территориях Южно-Китайского моря до того момента, пока конфликт там не будет разрешен²⁷. Вьетнам в этой ситуации со своей стороны жестко отреагировал, заявив о том, что имеет все права сотрудничать с иностранными государствами. Россия в этих условиях продолжала придерживаться прежних позиций, и ей удалось успешно урегулировать противоречия²⁸, возникшие на этом фоне с Китаем, однако впоследствии обстановка в указанном районе не раз обострялась.

Тем не менее, в целом эти противоречия не становились серьезным препятствием внешней политике России в отношении Вьетнама до тех пор, пока расстановка сил в мире не изменилась в 2014 г., когда в результате событий в Украине Москва попала под санкции западных стран и была вынуждена искать новых партнеров на Востоке. Это в первую очередь означало ставку на КНР, как возможного «друга» и главную опору России в Азии в ходе переориентации внешней политики с Запада на Восток. В этих новых условиях у российских властей не было другого выхода, кроме как более явно поддерживать Китай в его политике в ЮКМ. Так, Москва не признала решение Гаагского суда по иску Филиппин, сочтя его нелегитимным, поскольку китайская сторона не принимала участия в судебном процессе. В. Путин в интервью 5 сентября 2016 г. заявил, что при неучастии одной из сторон суд вообще лишен смысла и правомочности²⁹. Это заявление не соответствует положениям Конвенции, как раз допускающей судебное разбирательство при несогласии одной из сторон. Кроме того, Москва согласилась с уже китайским требованием о необходимости решать все вопросы без какого бы то ни было внешнего вмешательства и/или влияния, исключительно на двусторонней основе³⁰. Эта поляризованность нашей страны вызвала у большей части стран-участниц территориальных споров в ЮКМ ряд сомнений относительно того сможет ли Россия действительно прочно занимать нейтральную позицию и потенциально стать балансиром, некоторым буфером в данном конфликте. Политическая роль России в ЮВА, ее влияние в регионе таким образом несколько ослабли, и как следствие последовало и охлаждение в отношениях между Москвой и Ханоем. Однако по прошествии некоторого времени, к 2017–2018 гг. связи между нашими странами начали восстанавливаться, мы вернулись на прежний дружественный уро-

вень отношений с Вьетнамом, а проекты по совместной разработке нефтегазовых месторождений возобновились и получили новое развитие³¹.

Точно так же как с Вьетнамом, в сложившихся условиях для России достаточно затруднительно выстроить крепкие экономические связи и с Филиппинами, поскольку в первую очередь интересы РФ здесь связаны с реализацией проектов по разработке углеводородов. Россия традиционно экспортирует в страны мира в основном вооружения и нефть/газ. По первому пункту, особенно в свете украинской политики России начиная с 2014 г., и тем более с февраля 2022 г. главным препятствием для заключения такого рода сделок со странами ЮВА выступают США. Что касается потенциальных разработок месторождений нефти и газа в водах ЮКМ, будь то совместно с Вьетнамом или Филиппинами, КНР, и как одна из крупных мировых держав, и как государство дружественное России, такой квази-партнер РФ, не потерпит игнорирования своих интересов и может стать препятствием интересам России. В теории также возможен и третий вариант разрешения этой сложной ситуации: все заинтересованные участники могут предпринять попытку договориться осуществлять совместный проект по поиску, исследованиям, разработке и добыче нефтегазовых ресурсов в ЮКМ. Россия со своей стороны не выступит против многосторонней схемы реализации добычи углеводородов, однако это решение может столкнуться с рядом трудностей уже на этапе обсуждения. Это и вопрос о том, чтобы все участники консенсуса получали равные доли от добычи, на чем с вероятностью будут настаивать и Россия, и Китай. Это также и противодействие со стороны США, которое наверняка последует, поскольку Вашингтон видит любые совместные проекты в ЮКМ возможными только после официального разрешения текущего конфликта. Кроме того, такой вариант, при котором КНР договаривается со многими участниками территориальных споров одновременно, плюс позволяет подключиться иностранным государствам к работе в нефтегазовом секторе ЮКМ, противоречит политике Соединенных Штатов по сдерживанию Китая в регионе. Поэтому говорить о какой-то реальной возможности найти выход из имеющегося политического кризиса на фоне конфликта в Южно-Китайском море рано.

Более того, в текущих условиях Россия, начав и развернув специальную военную операцию в Украине в феврале 2022 г. теперь предстает в глазах коллективного Запада агрессором, опасным противником, страной, любые действия которой должны быть ограниче-

ны силами Европы, Америки и т.д. Как следствие, в виде главного метода давления на нашу страну применяются жесткие экономические санкции, куда более многочисленные и разнонаправленные, нежели те, что последовали после присоединения Крыма в 2014 г. Достаточно сказать, что за прошедший 2022 г. странами ЕС были приняты и введены в действие 9 пакетов санкций³², и на данном этапе ведется обсуждение 10-го пакета. В результате, Москва еще в большей степени, чем в предыдущие годы, ориентирована на Восток, в сторону стран Азии, поэтому для России особенно важно, чтобы любые противоречия и/или конфликты между государствами региона ЮВА и другими крупными игроками, такими как Китай, решались путем мирного урегулирования. Наша страна никоим образом не поддерживает политику, ведущую к обострению старых или провоцированию новых конфликтных ситуаций, и уж тем более не стремится оказаться по другую сторону баррикад относительно Китая и нажать себе в его лице еще одного «врага». В этом смысле традиционный для Москвы подход – несилевое решение с опорой на международное право, в частности на ЮНКЛОС – представляется самым верным. В практическом приложении российские власти могут теоретически попытаться как-то повлиять на процесс улучшения китайско-вьетнамских и/или китайско-филиппинских отношений по вопросу спорных территорий в ЮКМ в ходе мирных переговоров, не углубляясь при этом в анализ причин происходящего в Южно-Китайском море.

Консенсус, компромисс, который бы устроил всех претендентов на ЮКМ, схема, позволяющая всем заинтересованным сторонам реализовать свои интересы на спорных территориях и при этом сохранить целостность региональной политики АСЕАН и не допустить сильного давления извне – вот тот исход, который идеально устроил бы Россию, особенно в свете текущей перестройки миропорядка. Пресловутое «ребята, давайте жить дружно!», воплощенное на практике – это лучшее возможное решение конфликта в ЮКМ, лучший итог, который помог бы достигнуть мира и стабильной безопасности в АТР – регионе, который сейчас для России представляет большую, чем когда-либо значимость и экономически, и стратегически, и политически. Вот только очень маловероятно, что подобный итог станет вероятным в обозримом будущем.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ПАНАРИНА Дарья Сергеевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria S. PANARINA, PhD (Culturology), Senior Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia, and Oceania Studies, IOS RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 15.02.2023; approved 02.03.2023; accepted to publication 31.03.2023.

¹ См. подробнее об этом: Daria S. Panarina. Why South China Sea is Important for the Philippines: Economic Aspect // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020, том I, № 1 (46). С. 356–369. URL: [https://sea.ivran.ru/f/SEA2020n1\(46\)p356-369.pdf](https://sea.ivran.ru/f/SEA2020n1(46)p356-369.pdf); Панарина Д.С. Филиппины и Китай в территориальном конфликте в Южно-Китайском море // Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы / Ред.-сост. Астафьева Е. М. М.: ИВ РАН, 2020. С. 257–307.

² South China Sea. U.S. Energy Information Administration. February 7, 2013. P. 2. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/regions_of_interest/South_China_Sea/south_china_sea.pdf

³ South China Sea. U.S. Energy Information Administration. February 7, 2013. P. 4.

⁴ Васильев Д., Шавлай Э. Южно-Китайское море в противостоянии КНР и США в Азии // Азия и Африка сегодня, № 7, 2020. С. 62. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/7c1/Azia-07-2020_61-66-min.pdf

⁵ См., например: Шпаковская М.А., Нгием Ба Чи, Левченко М.Н. Некоторые особенности асимметричных отношений между Вьетнамом и Китаем // Страны Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона между Пекином и Вашингтоном / отв. ред.-сост. Е.М. Астафьева. М.: ИВ РАН, 2021. С. 355–369; Новакова О.В. Вьетнам и Китай: притяжения и отталкивание. морская дипломатия в Тонкинском заливе. 1991–2019 // Азия и Африка сегодня, 2020. Том 10, № 10. С. 41–45; Мосяков Д.В. Политика Вьетнама как фактор мира и стабильности в конфликте в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020, № 3 (48). С. 5–11; Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Ву Тхуи Чанг. Вьетнам и его отношения с Китаем, США и Россией // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2019, № 4 (45). С. 124–134; Локшин Г.М. Российско-вьетнамские отношения и фактор Китая // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2017, № 36. С. 146–159; Теханович А.И. Вьетнам в контексте борьбы США и КНР за влияние в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2017, № 36. С. 171–177; До Минь Као. Вьетнам и Южно-Китайское море: обстановка и тенденции // Вьетнамские исследования, 2015, № 5. С. 138–160; Pietrasiak Malgorzata, Pieczara Kamila. Vietnam's diplomacy towards the conflict in the South China Sea and its influence on ASEAN // Вьетнамские исследования. Серия 2, 2019, № 4. С. 7–17 и др.

⁶ Васильев Д., Шавлай Э. Указ. соч. С. 62.

⁷ PCA Case № 2013-19. Pp. 2–3. URL: <https://www.pcadocs.com/pcadocs/PH-CN%20-%2020160712%20-%20Award.pdf>

⁸ PCA Case № 2013-19. P. 4.

⁹ China's National Defense in the New Era. The State Council of the People's Republic of China. July 24, 2019. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html

¹⁰ The Geological Society of America. URL: <ftp://rock.geosociety.org/pub/posit/2001/2001075.pdf>

¹¹ Панарина Д.С. Филиппины в Южно-Китайском море: позиция страны после решения Гаагского суда / Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН, 2016. № 32. С. 95–96. URL: <http://sea.ivran.ru/articles?artid=7218>

¹² Jennings, Ralph. Energy Deal Deepens Once Unimagined Sino-Philippine Friendship / VOANews. November 30, 2018. URL: <https://www.voanews.com/a/energy-deal-deepens-once-unimagined-sino-philippine-friendship/4680973.html>

¹³ Philippines abandons joint energy exploration talks with China / Nikkei Asia. June 23, 2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Energy/Philippines-abandons-joint-energy-exploration-talks-with-China>

¹⁴ Xi and Marcos Agree to Resume Oil and Gas Talks, Expand Ties / Bloomberg. January 5, 2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-04/xi-and-marcos-agree-to-boost-ties-consult-on-maritime-issues>

¹⁵ Emmers R. Geopolitics and Maritime Territorial Disputes in East Asia. Routledge, 2009. 208 p. / Цит. по: Королев А., Стрельникова И. Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля или перспективы решения конфликта // Аналитический бюллетень ЦКЕМИ. Высшая школа экономики, 2021. С. 4. URL: https://cceis.hse.ru/data/2021/07/14/1419227800/Аналитический_бюллетень_по_ЮКМ.pdf

¹⁶ Emmers R. Geopolitics and Maritime Territorial Disputes in East Asia. Routledge, 2009...

¹⁷ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. Association of Southeast Asian Nations. URL: https://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2

¹⁸ Malgorzata Pietrasiak, Kamila Pieczara. Vietnam's diplomacy towards the conflict in the South China Sea and its influence on ASEAN // Вьетнамские исследования, 2019, № 4. С. 11–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vietnam-s-diplomacy-towards-the-conflict-in-the-south-china-sea-and-its-influence-on-asean/viewer>

¹⁹ Vietnam Tacks Between Cooperation and Struggle in the South China Sea / Report № 318. International Crisis Group. December 7, 2021. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/north-east-asia/china/318-vietnam-tacks-between-cooperation-and-struggle-south-china-sea>

²⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747>

²¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву.

²² Бредихин, Антон. ЮКМ – реальность и подход России / РСМД. 11.05.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/topics/anton-bredikhin/yukm-realnost-i-podkhod-rossii/>

²³ См., например: Федоров Н.В. Участие России в нефтегазовых проектах на континентальном шельфе Вьетнама: проблемы и перспективы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2018. Том II, № 4 (41). С. 129–143. URL: [https://sea.ivran.ru/f/SEA2018n4\(41\)p129-143.pdf](https://sea.ivran.ru/f/SEA2018n4(41)p129-143.pdf)

²⁴ Подробнее о сотрудничестве России и Вьетнама в нефтегазовой отрасли см.: Сотрудничество России и Вьетнама в нефтегазовой сфере. ЦДУ ТЭК. 01.06.2021. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1900/%3C/p%3E

²⁵ Федоров Н.В. Указ. соч. С. 135.

²⁶ Локшин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 213.

²⁷ Stokan S. Russia searching for its course in the South China Sea / Russia Beyond. April 20, 2012. URL: https://www.rbth.com/articles/2012/04/20/russia_searching_for_its_course_in_the_south_china_sea_15534

²⁸ Локшин Г.М. Указ. соч. С. 113–114.

²⁹ Vladimir Putin, Answers to journalists' questions September 5, 2016, Hangzhou. <http://en.special.kremlin.ru/events/president/news/52834>

³⁰ Дикарев А.Д. Политические и правовые последствия вердикта Гаагского трибунала по иску Филиппин к Китаю // Общество и государство в Китае: XLVIII научная конференция. Москва, Институт востоковедения РАН, 2018. Вып. 48. Ч. 1.

³¹ Мосяков Д.В. Политика России в отношении конфликта в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том I, № 1 (38), 2018. С. 24–34.

³² Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.). База Гарант. URL: <https://base.garant.ru/57750632/>